

В. К. ЖУРАВЛЕВ

NOMINATIVUS CUM INFINITIVO С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ НЕЙТРАЛИЗАЦИИ

Наличие оборота типа 'трава косить', *šienas pjauti* на северо-востоке Европы (в русском, литовском, латышском, эстонском и других языках) постоянно привлекает внимание исследователей. Для объяснения этого явления было предложено множество противоречивых гипотез и теорий. Однако проблема внутренней связи данного явления с другими явлениями и процессами истории конкретных языков как-то выпадала из поля зрения исследователей.

На III конференции балтистов было предложено рассматривать такого рода обороты как частный случай нейтрализации падежной оппозиции номинатив (A) — аккузатив (N), где представителем „архиморфемы“ выступает немаркированный коррелят (N·A→N)¹. Это позволило связать исследуемое явление с другими случаями нейтрализации оппозиции (N:A)²; оно, таким образом, включилось в диахроническую цепь морфологических процессов.

Для правосточнобалтийского состояния оппозиция (N:A) реконструируется в следующем виде³:

$$\frac{N : A}{\text{Sg, Pl (m, f)}} \leftrightarrow \frac{N = A}{\text{Du (m, f, n); n (Sg, Pl)}}$$

Формы номинатива и аккузатива различались в парадигмах единственного и множественного числа мужского и среднего рода.

Это — сильная позиция (позиция релевантности) для оппозиции (N:A). В качестве слабой позиции (нейтрализации) выступали все парадигмы двойственного числа (Du) и среднего (n) рода. Это — парадигматическая нейтрализация; роль сильной или слабой позиции здесь играют парадигмы. Эли-

¹ Žuravliovas V., Kėdaitis K. Dviskaitos kategorijos likimas ir baltų-slavų linksnių opozicijų dinamika. — Baltistica, 1977, II priedas, p. 157 tt.

² Значки: точка — нейтрализуемая оппозиция (N·A); двоеточие — оппозиция как таковая (N:A).

³ Журавлев В. К., Мажюлис В. Из диахронической морфологии славянских и балтийских языков. — Вильнюс, 1978, с. 33—36.

парадигматической нейтрализации ($N \cdot A$). Здесь сила нейтрализации больше ($F_n = q \frac{n}{d}$), ибо больше позиций нейтрализации. Здесь наблюдается противоборство тенденций усиления нейтрализации либо оппозиции ($F_o = k \frac{d}{n}$). В результате такого противоборства имели место случаи конвергенции ($N \times A \rightarrow A$) в целой серии форм: КАМЫ \times КАМЕНЬ \rightarrow КАМЕНЬ ($N=A$); (ТИ ДОБРИИ КАМЕНЕ, ПУТИ, СТОЛИ...) \times (ТЫ ДОБРЫЕ КАМЕНИ, ПУТИ, СТОЛЫ \rightarrow ТЫ ДОБРЫЕ КАМНИ, ПУТИ, СТОЛЫ...) ($N=A$); СВЕКРЫ \times СВЕКРЬВЬ \rightarrow СВЕКРОВЬ ($N=A$) и т. п. Противоположная тенденция усиления оппозиции вела к дивергенции ранее единой формы и формированию оппозиции: ($N_1=A_1$) ($N_2:A_2$) (РАБЬ \rightarrow РАБ $-:-$ РАБА); (СЫНЬ \rightarrow СЫН $-:-$ СЫНА); (КОНЬ \rightarrow КОНЬ $-:-$ КОНЯ) и т. п. Она же привела к формированию категории одушевленности путем трансморфологизации (РАБИ : РАБЫ \rightarrow РАБЫ $-:-$ РАБОВ), дивергенции (СЕСТРЫ \rightarrow СЕСТРЫ $-:-$ СЕСТЕР) и т. п. Перестройка отношений нейтрализуемых и не нейтрализуемых парадигм осуществляется через вариативность употребления членов оппозиции как расшатывание норм их функционирования. В истории русского языка рано фиксируются случаи употребления винительного вместо именительного (ПРИЕХАША ПОСЪЛЫ) и даже новых форм винительного зарождавшейся категории личности — одушевленности (ПЕТРА, ПИЛАТА). Формы именительного рано проникают в предложные сочетания (СКВОЗЕ ПЕЧЕНЕЗИ).

Сужение вариативности употребления форм N и A привело к формированию категории одушевленности путем закрепления парадигматической нейтрализации за парадигмой неодушевленных. Поиски новой мотивации употребления N и A могли приводить к фиксации нейтрализации ($N \cdot A$) за семантически ограниченными лексическими полями: *лен брать; пень рубить* ($N=A$) $=: =$ *траву (N·A \rightarrow N) косить; молоко пить (N=A) =: = воду (N·A \rightarrow N) пить* и т. п. Видимо, „семантически слабой“ позицией, где наиболее вероятна нейтрализация, будет та группа слов, которая чаще сочетается со словами парадигматически нейтрализованными. Легче теряет оппозицию ($N:A$) та группа слов, которая реже встречается одновременно и в позиции объекта и в позиции субъекта. Последнее, безусловно, служило стимулом формирования категории личности — одушевленности в славянских языках.

Сужение вариативности форм ($N:A$) могло приводить к фиксации нейтрализации за определенными синтаксическими конструкциями в синтагматически слабых позициях. Синтагматически слабой является позиция рядом с парадигматически нейтрализованным членом той же оппозиции или корреляции. Напр., в предложении (БЪ ЖЕ В ТО ВРЪМЯ ВИДЪТИ ВЪ ГРАДЪ

НА МОСКВѢ... ПЕЧАЛЬ ГОРЬКАЯ И СКОРЬБЬ НЕУТЕШИМАЯ, БѢДА НЕСТЕРПИМАЯ, НУЖА УЖАСНАЯ И ГОРЕСТЬ СМЕРТНАЯ...) позиция рядом со словами ПЕЧАЛЬ, СКОРЬБЬ, ГОРЕСТЬ (N=A) будет синтагматически слабой как для слов ГОРЬКАЯ, НЕУТЕШИМАЯ, СМЕРТНАЯ, так и для словосочетаний БѢДА НЕСТЕРПИМАЯ и НУЖА УЖАСНАЯ (N:A). Именно в таких случаях нередко и отмечается нейтрализация: ДАЮ ЗА ВСЁ ЗА ТО ДВА СЕЛА (N=A) СЪ ОБИЛЬЕМЪ И ПЬНЬ (N=A) И КОЛОДА (N- : -A→N); ПРАПОВАДИЛИ... ЛЪСЬ (N=A) И БЕРЕСТА (N·A→N); А ЗЕМЛЯ (N·A→N) И ЛЪСЬ (N=A) И ЛУГИ (N A→N) ДЕЛИТЬ ПО ЗАПИСИ....

Сопоставительный анализ фактов синтагматической нейтрализации (N·A) в русском и литовском языках свидетельствует о принципиальном совпадении синтагматически слабых позиций. В обоих языках в роли позиции нейтрализации N·A часто выступает позиция рядом с инфинитивом:

1) Независимый инфинитив: *ШУТКА сказать!*; *есть уха – не бояться греха*; *Kaip darbas dirbti?*

2) Зависимый инфинитив: ДАИ БЪ ИСПРАВИТИ ПРАВЬДА; *будем байна топить*:

Tik tie gyvuliai (N) nulieka parduoti;

Ir bodo senis (N) karšinti.

Часто инфинитивные конструкции осложнены иными деталями. Напр.:

1) Предикативное наречие: *сегодня надо мочалка (N) да водичка (N); надо конь (N) запрячь*.

Reikia eiti gyvuliai (N) išleisti.

2) При наличии объекта или логического субъекта в форме дат.: *надо молодцу (D) душа (N) спасать; поучати мужу (D) своя жена (N); А ОРДА (N) ЗНАТИ МНЕ ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ (D); ему (D) не видывать она (N)*.

Man (D) liko pūdytas (N) art; giedokime greitai,

man (D) dar mazginys (N) bus numazgoti; Tenka viskas (N) pietums (D) suvalgyti.

3) При наличии отрицания: *голуби (N) никто не разводил; на полях нигде никто (N) не видать*.

Verigu kiaulei: nei burna (N) prausti, nei kojos (N) auti, nei poteriai (N) kalbėti.

4) Совокупность приведенных выше условий: *муж (N) ей (D) не надо было; моей (D) не надо женихи (N); И ТЪМЪ ЛЮДЕМЪ ПРИШЛЫМЪ (D) НЕ НАДОБЪ НИ ПИСЧАЯ БѢЛКА (N), НИ ЯМЪ (N=A), НИ ПОДВОДЫ (N=A), НИ МЫТЬ (N=A), НИ ТАМГА (N)*.

Nei jam (D) rūpėjo rytelis (N) kelti, bėri žirgeliai (N) šerti.

Специфически литовская позиция нейтрализации N·A — позиция рядом с прилагательными или причастиями так наз. среднего рода (n), при том, что в литовском категория среднего рода элиминировала (в принципе).

Darbas (N) jo mokėta (n) dirbti; jo buvo leidžiama (n) čia žuvys (N) gaudyti; ar nesunku (n) žals šienelis tau grėbti?; alus (N) gerti nesveika (n); ale kad pas ji ne visada lengva (n) jos (N) išprašyti.

К такого рода условиям примыкают конструкции с деепричастиями: *Ar nežinai, Jonai, kur čia pinigingas žmogus (N) apėjus; Langai (N) dedant reikia daug stiklo.*

Синтагматическая позиция рядом с формами „среднего рода“, находящимися вне парадигматического противопоставления N:A, — безусловное свидетельство в пользу генетической связи данной конструкции (N·A→N) с судьбой категории среднего рода в литовском языке. Об этом же свидетельствует и статистический анализ лексического наполнения данной категории именами существительными: около трех четвертей из них — имена мужского рода, — той категории, в которую, очевидно, вошли многие слова прежнего среднего рода.

Часто встречаются и существительные, обозначающие парные предметы: *Teks vartai atkelti.*

Нередко нейтрализации (N·A→N) подвергаются такие слова, как *rankos* (руки), *klumpės* // *klumpė* (сабо), *kojos* (ноги), *burna* (рот — губы). И это — свидетельство связи синтагматической нейтрализации (N·A→N) с судьбой категории двойственного числа, парадигматически слабой позиции для оппозиции (N:A): *Ne taip lengva vienu šūviu du zuikiu (N=A,D) nušauti.*

Нередко слова, подверженные нейтрализации относительно категории падежа (N·A→N), испытывают и вариативность относительно категории рода (m//f) или числа (sg//pl): *klumpės* // *klumpė*, *grūdai* // *grūdas*; *ūkis* // *ūkė*, *pietūs* // *pietai* и т. п. *Man rūpi mėšlas* // *mėšlai vežti*; *Šiandien reikia man dalgė (f) // dalgis (m) plakt. Klumpės (f) // klumpiai (m) lietuvinkams nešiot nepri-tinka* и т. п. Всё это свидетельствует о взаимосвязи падежной нейтрализации с судьбой категории рода и числа.

Спецификой русского языка в употреблении данной конструкции является позиция перед частицей-артиклем *-то*, особенно в тех говорах, где сохраняется оппозиция N:A в самой „частице“ (ср., *собака-та —: — собаку-ту*). Здесь происходит диссимилятивная нейтрализация рядом с маркированным членом той же оппозиции, чем достигается снятие избыточного дублирования показателей падежа внутри фонологически единого слова, восходящего к прежней атрибутивной синтагме. Эта ликвидация избыточного дублирования показателей падежа в принципе может привести к нейтрализации

надежной оппозиции: 1) в формах прежнего артикля (*собака-та* —:— *собаку-ту*→*собака-та* —:— *собакута*); 2) в формах прежнего главного члена атрибутивной синтагмы (*собака-та* —:— *собаку-ту*→*собаката* —:— *собака-ту*) или 3) полной (*собака-та* —х— *собаку-ту*→*собаката*). В первом случае происходит превращение артикля в частицу. Это — состояние современного русского литературного языка. В третьем возможна утрата падежной оппозиции и категории склонения вообще. Это — состояние современного болгарского языка⁴. Во втором создаются наиболее благоприятные условия для нейтрализации ($N' - : - A \rightarrow N$) в позиции перед артиклем, трансформирующемся в частицу: *навоз-то был надо; раньше надо работники-то были; пастух-то надо; а рыба-то уж мы как любим; лодка-то купишь, ай нет?; нам теперь избушка-та не нажить; надо бы вам каша-то с утра хлебать...* и т. п. Ф. П. Филин (Происхождение русского, украинского и белорусского языков. — Л., 1972, с. 479), выявив 11 позиций употребления форм на *-а* в объектном значении, заметил, что перечисление таких позиций можно продолжить: „условия употребления объектных форм на *-а* так же широки, как и форм на *-у*“, хотя большинство примеров приходится на конструкцию с независимым инфинитивом. Пожалуй, такой же вывод можно сделать и для литовского языка: большинство отмеченных примеров приходится на долю инфинитивной конструкции, хотя наличие инфинитива не обязательно. Изредка встречаются конструкции и с личной (чаще — безличной) формой глагола: *Jam nebebus kas (N) ėda; Nėra kadu grūdai (N) iš pečiaus išima; Nebuva kadu arklys (N) ažu snukia tveria.*

Подводя итог всему сказанному, подчеркнем, что рассмотрение данной конструкции с точки зрения теории нейтрализации позволило перенести внимание исследователя с инфинитива на номинатив, с глагола на существительное. Это расширило представление о специфике явления и позволило рассматривать как закономерные конструкции и без инфинитива (предикативные наречия, глагол в лично-безличной форме, причастия и деепричастия). Рассмотрение употребления N' вместо A в функции объекта как одной из возможностей нейтрализации ($N \cdot A \rightarrow N$) позволило связать данное явление с другими случаями нейтрализации ($N \cdot A \rightarrow A$); ($N \cdot A \rightarrow N = A$), а, тем самым, и с другими процессами в истории исследуемых языков.

Любая синтагматическая нейтрализация генетически связана с парадигматической и может возникнуть или исчезнуть лишь под давлением последней. Обе нейтрализации представляют собою необходимую часть общего конвергентно-дивергентного процесса.

⁴ Журавлев В. К. Мысли о диахронической морфологии славянских и балтийских языков. — *Baltistica*, 1974, t. 10(1), p. 31.

От позиции к позиции, путем увеличения или уменьшения числа позиций нейтрализации оппозиция соответственно либо ослабевает, либо усиливается, дивергирует, либо конвергирует. При этом синтагматическая нейтрализация иерархически подчиняется парадигматической.

Такой подход позволяет вскрыть генезис и динамику исследуемого оборота и установить его связи с другими явлениями и процессами.

Этот же подход может быть применен в исследованиях как родственных языков, так и неродственных, и в частности, при сопоставлении аналогичного явления еще в латышском и финском языках.

MAŽMOŽIS I

Labai įdomiame V. Urbučio str. „Lie. žvyras“ rašoma: „Apžvelgiant geografiją, dar galima pridėti, kad baltarusiai šiaurės vakarų kampe (latvių kaimynystėje), kiek galima spręsti iš jų šiaurės vakarų šnektų žodyno, gal tik vietomis turi *жвiр* (tas žodis СБГ II 146 arti Latvijos nurodytas tik iš Jodlavičių...“ [B XIX (2) 156]. Autorius aiškiai kreipia mintį, kad čia esamas latvių kalbos įtakos rezultatas. Žinoma, tai nėra tiesa, nes šis kaimas yra neseniai buvusiose ištisai lietuviškose Apso apylinkėse. V. Urbučio minimo baltarusių žodyno t.1, p.8 rašoma, kad tame kaime ir dabar kalbama lietuviškai. Mūsų „Lietuvių kalbos tarmių“ chrestomatijoje yra tekstas iš Juodilėnų kaimo – LKT 392–393 (tai ir yra baltarusių Ёдлавічы), LKŽ kartoteka dar 1978 m. iš ten gavo nemažai žodžių. Lietuvių tarmė šiek tiek ir dabar funkcionuoja¹, o iki 1939 m. čia net vykdavo, kaip yra sakę senieji aktoriai, „Vaidilos“ teatro spektakliai. Juodelėnų kaime, dabar imančiame kalbėti daugiau baltarusiškai, tos šnekos faktas *жвiр* yra atėjęs iš lietuvių kalbos be latvių kalbos kokių iliuzijų.

V. Vitkauskas

¹ Apie tai dar žr. Видугирис А., Моркунас К. (рец.) – Baltistica, XVI (2), p. 200.

минация среднего рода и двойственного числа связывается с процессом усиления оппозиций (N:A): чем меньше позиций нейтрализации, тем сильнее оппозиция. В современном литовском литературном языке нет парадигматической нейтрализации: (N:A) парадигматически нигде не нейтрализуются. Всё, имеющее формы склонения, последовательно и четко различают формы именительного и винительного падежей. Лишь кое-где сохраняются остатки прежних категорий среднего рода и дуалиса. Спорадически встречаются и остатки прежней нейтрализации (N · A). Но их уже нельзя относить к явлениям парадигматической нейтрализации. Это — если не фразеологизмы, застывшие обороты типа рус. литер. *шутка сказать*, то, по крайней мере, — строго ограниченные синтаксические (и, вероятно, лексические явления) синтагматической нейтрализации. Здесь сильной и слабой позицией является положение в той или иной конкретной синтагме.

Древнейшие памятники славянской письменности свидетельствуют о более сложном состоянии этой оппозиции:

$$\frac{N : A}{\text{Sg. } f^1, m^1; \text{Pl } f^2, m^2.} \leftrightarrow \frac{N = A}{\text{Du; n. } \pm \text{Sg } m^2, f^2; \text{Pl } f^1, m^1.}$$

Как и в балтийском, позицию нейтрализации в славянских языках представляли парадигмы двойственного числа (Du) и среднего рода (n). Определенные фонологические процессы увеличили число позиций нейтрализации: некоторые формы конвергировали, напр.: **sūnus* (N) × **sūnum* (A) → *сынъ* (N = A). В конце концов, та парадигма, которая различала (N:A) в формах множественного числа (f^2, m^2), как правило, не различала их в формах единственного, и — наоборот. За пределами этого правила лежала вся категория среднего рода (N = A). Так, в древнерусском для ж. р. ед. ч. оппозиция (N:A) могла быть представлена следующей максимальной синтагмой: ТА ДОБРАЯ ЖЕНА, ЗЕМЛЯ, МАТИ, СВЕКРЫ (И) — : — (В) ТУ ДОБРУЮ ЖЕНУ, ЗЕМЛЮ, МАТЕРЬ, СВЕКРЪВЬ. Вне оппозиции, т. е. в позиции нейтрализации, оказывалась парадигма типа *кость*. В формах множественного числа женского рода оппозиция (N·A) полностью иейтрализовалась: ТЫ ДОБРЫѢ ЖЕНЫ, ЗЕМЛИ, МАТЕРИ, СВЕКРЪВИ, КОСТИ. Для мужского рода, наоборот, сильной позицией были формы множественного числа: ТИ ДОБРИИ СТОЛИ, КОНИ, СЫНОВЕ, ПУТИ, КАМЕНЕ(И) ÷ (В) ТЫ ДОБРЫѢ СТОЛЫ, КОНѢ, СЫНЫ, ПУТИ, КАМЕНИ. В формах единственного числа, наоборот, наблюдается нейтрализация: (N = A) ТЪ ДОБРИИ СТОЛЬ, КОНЪ, СЫНЪ, ПУТЬ... И лишь, парадигмы типа КАМЫ — КАМЕНЬ, да еще типа ВОЕВОДА были позицией различения (N : A). В славянском элиминация Du и n, в отличие от балтийского, не приведет к элиминации